

СЕРЕДИНА
СЕРЕДИНА

КОНАН
И ПЛЕННИКИ
ВЕДАНДЫ

Северо-Запад

Annotation

Опасные и увлекательные похождения Конана и его приятеля Бенито — лучших воров Аренджуна, продолжаются...

- Пленники Бездны

○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○

Кевин Роуз

Пленники Бездны

Глава первая

Путешествующий философ из далекого Аргоса, которому пришлось побывать в городе воров Аренджуне, писал в своих путевых заметках: «Бедняки этого города весьма почитают бога Ану. Очень часто храм его полон народу даже в то время, когда богослужения не проводятся.

И что особенно примечательно — в отличие от других виденных мною мест, где люди, дабы почтить божество, собираются в больших и пышно украшенных храмах, здесь они, наоборот, предпочитают маленькое, ничем не примечательное святилище, расположенное в самом бедном квартале города. Другой же, не в пример более богатый и красивый храм этого бога, удобно расположенный на холме неподалеку от королевского дворца, почти всегда пустует.

Храм этот, столь популярный у простых людей, представляет собой трехэтажное здание, сложенное из массивных каменных блоков. Со стороны кажется, будто три куба поставлены один на другой; внизу — самый большой, наверху — самый маленький. Все они соединены лестницей, ведущей от земли к площадке на самом верху. По ней в дни праздников поднимаются жрецы, творящие богослужения.

Крыша каждого этажа образовывает террасу, возвышающуюся над предыдущим. На этих террасах находятся сады, и в них выращиваются особые растения, посвященные богу. На верхний этаж допускаются только посвященные жрецы — служители божества. Говорят, что там стоит алтарь, с которого всегда поднимаются в небо благовонные курения, и кровать, на которой время от времени спит сам бог.

В среднем этаже находится сокровищница храма, в которой хранятся подношения многочисленных людей, просивших помочи бога.

В нижнем этаже находится огромный зал, открытый для всех. В нем находится огромная статуя бога, высеченная в незапамятные времена, и каморки живущих при храме жрецов. Когда-то давно богослужения в храме вели несколько десятков человек, но сейчас остался всего один, которому помогают несколько рабов».

Знатный путешественник-философ вскоре, продолжая свое путешествие, покинул Аренджун, сохранив об этом городе не самые приятные воспоминания — по той простой причине, что в течение недолгого пребывания в нем он был пять раз ограблен, и количество монет, взятых им с собой в далекие страны, значительно уменьшилось. Поэтому он так и не понял причины странной привязанности жителей Аренджуна к маленькому неприметному храму бога Ану. Возможно, если бы он несколько дольше прожил в «городе воров» и лучше изучил жизнь его обитателей, то не стал бы так одобрительно отзываться о религиозных чувствах его жителей — каждый младенец в Аренджуне знал, что жрец этого храма промышляет скupкой краденого и его «прихожане» — обитатели знаменитого Лабиринта, воры, грабители и мошенники, сбывающие свою дневную или ночную добычу.

Именно в этом храме был продан похищенный у аргосца среди белого дня на оживленной улице перстень с его личной печатью. Когда светловолосый грабитель с иссеченным шрамами лицом изящным движением приставил кинжал к горлу аргосца и

вежливо предложил ему избавиться от денег и драгоценностей, путешественник счел за лучшее не поднимать шума и расстаться с вещами. Удивила его даже не наглость ограбления, а другое — после того как светловолосый скрылся в толпе и аргосец начал кричать, что его ограбили, и просить, чтобы его провели к начальнику стражи, никто из прохожих не обратил на это ни малейшего внимания. Так же невозмутим был и сам начальник стражи, к которому в конце концов обратился аргосец с просьбой помочь ему вернуть свое имущество.

— Это невозможно, — меланхолично сообщил он незадачливому путешественнику, после того как тот описал ему приметы неизвестного грабителя.

— Неужели вы даже не догадываетесь, кто бы это мог быть? — участливо поинтересовался аргосец.

— Наоборот, я как раз точно знаю, кто это, — объяснил начальник стражи, — и именно поэтому говорю, что вернуть ничего не удастся.

— Неужели это совершил кто-то из знати? — ошарашенно спросил аргосец. — В таком случае прошу, назовите мне хотя бы имя этого вельможи. Я сам принадлежу к знатной аргосской фамилии. Я попрошу его вернуть мне перстень. Мы найдем общий язык. Благородный человек поймет, он не сможет мне отказать...

Ответом ему был громовой хохот стражников. Сквозь смех начальник стражи с трудом произнес:

— Вряд ли кто-нибудь был такого высокого мнения о происхождении Бенито. Это бродяга, бывший наемник, дезертировавший из какой-то армии и осевший здесь, один из самых известных грабителей Аренджуна.

— Но если вы его знаете, почему же не ловите? — закричал аргосец, перестав что-нибудь понимать.— Поймайте его, я готов назначить любую награду!

— А вот это как раз и невозможно,— уныло произнес начальник стражи.

Тем временем, пока аргосец беседовал с начальником городской стражи, разыскиваемый им гандер Бенито не торопясь добрался до храма бога Ану, где драгоценный перстень второй раз за один день поменял владельца.

Глава вторая

Ранним утром — в непривычное для обитателей Лабиринта время — два человека вошли в одну из относительно чистых таверн и скрылись в задней комнате, которую хозяин предоставлял только самым уважаемым своим гостям.

Мальчик-раб принес кувшин дорогого черного вина и два медных кубка, поставил на добела выскобленный стол и бесшумно удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

Вошедшие представляли собой странную пару. Оба были примерно одного возраста, но в остальном их внешность была противоположна. Один был толстым, с лоснящимся лицом, при каждом движении колыхалось все его тело; второй, маленьким, щуплым, со скучными отточенными движениями. Но при этом было заметно, что маленький чувствует себя здесь хозяином.

Щуплый человечек, которого все называли Гилзах, был одним из лучших наемных убийц Аренджуна. Многих беспечных людей обманывала его внешность — казалось, ему не под силу даже свернуть голову цыпленку, не говоря уже о том, чтобы убить человека.

Но такая беспечность многим стоила жизни. Гилзах был быстр, как змея, и жесток, как крыса. Немало людей расстались с жизнью, даже не заметив метнувшейся из-за угла

молниеносной тени и стремительного удара стилета. Даже сейчас, сидя в расслабленной позе, он не выпускал его из рук, и казалось, что клинок порхает между пальцами, живя своей собственной жизнью. Кличку «Гилзах» дал ему один из заказчиков — тучный шемитский купец. Пошемитски так называли песчаную ласку, маленького зверька, успешно расправлявшегося с огромными ядовитыми змеями в пустыне.

Первого человека он убил в десять лет. Отец Гилзаха принадлежал к одной из древнейших заморийских фамилий, ведущих свою родословную со времен королевства Земри. Со временем его род обеднел, но не утратил гордости. Когда один из новых дворян Аренджуна, в жилах которого текла малая толика заморийской крови, разбавленная изрядным количеством гибридной, предложил отцу Гилзаха поступить к нему управляющим и вести его торговые дела, последний счел это личным оскорблением и на глазах сына собственноручно вышвырнул вельможу из своего древнего, но обветшавшего дома.

Дворянин не забыл обиды, и вскоре на отца Гилзаха, возвращавшегося поздним вечером домой, напали несколько незнакомцев в ливреях, выдававших принадлежность к слугам обиженного, и усердно обработали егоувесистыми дубинками, переломав все кости.

Один из последних представителей старой знати умер на руках своего сына, успев лишь доползти до дома. На другой же день к тому явились стражники, объявиившие, что получены доказательства измены умершего, и поэтому король конфискует все принадлежащее ему имущество. Десятилетний Гилзах со своей матерью были выброшены на улицу и поселились в самом бедном квартале Аренджуна, вплотную примыкавшем к Лабиринту.

Однако уже в то время Гилзах умел наблюдать и делать выводы из увиденного. Вспомнив ссору отца с влиятельным вельможей и вид убивших его негодяев, он сделал очевидный вывод о том, кто является виновником всех бед его семьи, и приговорил негодяя к смерти. Ему не пришлось долго ждать удобного случая, чтобы расплатиться с обидчиком. Общаясь со своими сверстниками на улице, он узнал, что в богатых кварталах города дома соединены подземной канализационной сетью. Вместе с другими мальчишками он принялся обследовать чрево города. Вонь нечистот не смущала его. Наконец, разведав подходы к интересующему его дому, Гилзах принял за осуществление возникшего у него замысла.

Остановив на улице мальчишкураба, он отобрал у него одежду. Связав ее в узелок, чтобы не промокла в канализационных катакомбах, и захватив отцовский стилет, он спустился в канализацию и вскоре добрался до дома своего обидчика. Отверстие, через которое выливались сточные воды, было слишком мало не только для взрослого, но и для ребенка. Однако даже среди своих сверстников Гилзах выделялся маленьким ростом и хрупким телосложением, и поэтому он без труда пробрался в дом.

Найти выход из подвала не составило труда. Там он переоделся в одежду раба, спрятав в складках стилет, хладнокровно дошел по коридорам до спальни вельможи, который еще почивал после вчерашнего дворцового бала, беспрепятственно вошел и вонзил стилет в сердце спящего. Позже ему не верилось, что этот безумный план вообще сработал. Ему могла помешать любая случайность — мальчика могли задержать слуги, или вельможа был бы в спальне не один... Но, видимо, духи-покровители древнего рода помогли десятилетнему убийце. Он спокойно вышел из спальни, не забыв захватить стилет, спустился в подвал и покинул дом тем же путем, каким проник в него.

У вельможи было множество недругов при дворе, поэтому убийцу искали без особого усердия. Да если бы и искали — кто бы стал подозревать десятилетнего мальчика с

изможденным невинным лицом?

Из этой авантюры Гилзах вынес два урока. Он понял, что убить человека легко и приятно, но при этом нужно тщательно планировать убийство, продумывая все мельчайшие детали. Через несколько лет он начал убивать по заказу.

Обманчивая внешность и хорошее владение стилетом помогли Гилзаху успешно начать свою карьеру наемного убийцы. Продолжил ее он не менее успешно, используя свое умение маскироваться и метко поражать свои жертвы отравленными стрелами из лука или из духовой трубки. Он отлично разбирался в ядах и умел подобрать состав таким образом, чтобы человек почувствовал смертельное действие лишь через долгое время после незначительной царапины, на которую поначалу даже не обращал внимания.

Возвышавшийся напротив Гилзаха тучный вендиец прекрасно знал, на что способен этот щедрый человечек, если требовалось отправить кого-то в иной мир. Знал он и другое — лишь у Гилзаха были шансы справиться с тем делом, которое предлагалось. Поэтому он заранее решил не торговаться, а заплатить любую цену за его услуги.

Большинство убийц в Лабиринте по сравнению с Гилзахом были грубыми ремесленниками. Они надеялись на силу своих рук и умение орудовать любимым оружием. Но Ченгар Бхутт был уверен, что этого умения не хватит, чтобы справиться с тем человеком, которого он мысленно приговорил к смерти.

У Гилзаха было еще одно достоинство. Люди, поручившие ему работу, могли быть уверены не только в том, что ненужный им человек вскорости окончит свое земное существование, но и в том, что Гилзах принесет им вещи покойника, которые зачастую и вызывали желание избавиться от него.

Его не интересовало имущество жертв — по крайней мере, не настолько, чтобы ради них пренебречь своей славой. Он никогда не ограбил ни одного убитого, если об этом не просил заказчик. Его завораживал сам процесс. Он наслаждался, разрабатывая план предстоящего дела, готовясь к его выполнению. Пик наслаждения наступал в момент, когда все заранее спланированное осуществлялось и человек, приговоренный Гилзахом, переставал существовать.

Как поэт получает наслаждение от созданного стиха или чародей — от осуществленного заклинания, Гилзах наслаждался, превращая в жизнь свой замысел. Это было его призвание, его жизнь. Ченгар Бхутт начал разговор издалека, как было принято в странах Южной Вендии. Поинтересовался самочувствием собеседника, выразил надежду, что его дом свободен от неприятностей, подарил вендиjsкий кинжал с причудливо изогнутым клинком.

Гилзах, прикрыв глаза, невозмутимо ждал, когда его гость перейдет наконец к делу, изредка кивая и подбадривая вендица односложными репликами. Лишь подаренный кинжал ненадолго привлек его внимание. Наконец красноречие вендица иссякло, и он приступил к тому, ради чего долго искал встречи с «королем наемных убийц» Аренджуна.

— Я вынужден искать помощи, — мягким голосом проговорил он, — во имя дружбы наших отцов, скрепленной черной водой Заркхебы и освященной их кровью, прошу тебя помочь мне в одном деле.

С этими словами вендиец протянул Гилзаху покрытый искусственной резьбой перечень.

В молодости отец Гилзаха провел немало времени, путешествуя по загадочным странам к югу от Стикса. На родине ему грозила казнь за убийство на дуэли члена королевской фамилии. Жаждущий мести король отправил вслед за ним погоню, преследовавшую заморийца по всем гиперборейским странам, и тому ничего не оставалось, как скрыться в недоступных джунглях Черных Королевств. Последовавшие вслед за ним посланцы короля один за другим таинственным образом исчезли.

Люди короля гнали его по джунглям, как гончие. Однажды пущенная из лука стрела ранила его в бедро.

Истекая кровью, он смог выбраться на берег Заркхебы, где его подобрал случайно встреченnyй вендиец, собирающий по крупицам рассыпанные в джунглях остатки тайного знания древних, магия которого пустила преследователей по ложному следу, в сторону развалин таинственного древнего города, откуда никто не возвращался. Вендиец вылечил раненого. Некоторое время они путешествовали вместе, и меч заморийца нередко помогал там, где бессильна была магия. Расставаясь, они скрепили свою дружбу кровью и обменялись подарками. Вендиец дал заморийцу богато украшенный пояс, а замориец снял с пальца кольцо с изображением змеи — покровителя его рода.

Сейчас Гилзах держал это кольцо в руке. Он помнил рассказы отца о том, кто помог ему спастись, и родовая честь повелевала ему оплатить долг.

— Слова отца всегда священны для сына, — учтиво наклонил голову Гилзах.
— Расскажи мне о той туче, что омрачает твой день, и я постараюсь прогнать ее прочь. Во славу Нергала, соединим наши заботы, чтобы освободиться от них.

Это была ритуальная фраза заморийской знати. Произнесший ее не мог отказать в просьбе. Видимо, вендиец знал об этом и продолжил уже более уверенным тоном:

— Мне нужно избавиться от одного человека. Гилзах посмотрел на него лениво прищуренными глазами:

— Кого? Где?

— Конана из Киммерии.

Гилзах ничем не выдал своего удивления, молча ожидая продолжения.

— Сегодня ночью или завтра на рассвете Конан будет возвращаться в город со стороны кладбища бедноты. При нем будет некая похищенная вещь. Она нужна мне. И мне нужно, чтобы варвар не смог никому рассказать об этой вещи и обо мне. И еще — нужно, чтобы кровь варвара пролилась на эти драгоценности. Во сколько ты оцениваешь его голову?

— Убить варвара будет непросто, — проронил Гилзах и прикрыл глаза, размышая.

Его собеседник пытался вмешаться, чтобы подкрепить свое предложение грандиозной суммой вознаграждения, но Гилзах оборвал его на полуслове одним коротким жестом. Наконец он раскрыл глаза и проговорил:

— Мне нужно знать подробнее. Пока что я не могу ничего сказать. Эй, принеси таблички и стило! — Последнее относилось к мальчику-рабу, появившемуся в дверном проеме и скрывшемуся с первыми словами Гилзаха. Казалось, он даже не слышал окончания фразы.

Собеседник Гилзаха опасливо покосился в сторону раба.

— Ты уверен, что при нем можно говорить? — с недоумением спросил он.

— Можно, — коротко ответил маленький человечек. — У него нет языка.

Через несколько мгновений они уже обсуждали детали. Гилзах неторопливо делал

заметки на глиняных табличках. Еще через некоторое время он согласился на предложенную работу. В его карих глазах заплясали огоньки, он подобрался, как тигр перед прыжком. В начале разговора он был вялым, словно любитель пыльцы черного лотоса, а сейчас казалось, что боги вновь вдохнули в него жизнь.

Собеседник вновь попытался заговорить о цене, но наткнулся на тяжелый немигающий взгляд. Гилзах — представитель древнего рода — считал обсуждение таких вопросов ниже своего достоинства, а иногда, в зависимости от настроения, расценивал это как личное оскорблечение.

— Я не продаю честь своего рода, — медленно проговорил он. — Долги отцов — гордость для детей. Я помогу тебе во имя памяти наших отцов. Не оскорбляй меня предложением денег.

Глава третья

Как всегда под вечер, когда сумерки уже скрывают лица тех, кому не хочется быть узнанным, храм бога Ану был полон народу. Одетые в самые разнообразные одеяния, начиная от лохмотьев и заканчивая шитыми золотом кафтанами, принадлежавшими когда-то именитым горожанам, подозрительные личности ненадолго скрывались за статуей бога, после чего бодрой походкой покидали храм, ощущая в карманах и кошельках приятное позывкаивание золота, а потом, выйдя из храма, отправлялись в таверны прожигать добытые монеты.

Многие посетители невольно обернулись в сторону входа, когда в храм вошел человек, за короткое время ставший одной из знаменитостей Лабиринта, — Конан. По его внешности трудно было предположить, что он удачливый вор; скорее, его можно было бы принять за профессионального воякунаемника.

Крепкое, атлетическое сложение не мешало ему двигаться бесшумно, как кот, легко, как ветер, и изящно, словно танцор, хотя тот, кто в разговоре легкомысленно назвал бы его танцором, рисковал приобрести в лице киммерийца заклятого врага. Конан не понимал и недолюбливал мужчин, которые бесцельно, по его мнению, тратили свою жизнь, развлекая танцами других. Высокий рост и широкие плечи киммерийца, казалось, были бы на месте на поле сражения, а не на узкой аренджунской улице в толпе отпетых преступников. Так же мало подходила к пестрой толпе его одежда — на Конане была всего лишь простая туника, доходившая до колен, и добротные кожаные сандалии. Многие обитатели Аренджуна сочли бы позорным появиться на улице в такой одежде, которая была недостойна их положения и считалась чуть ли не «рабской». Однако Конану было глубоко безразлично мнение расфуфыренных щеголов.

Но, хотя внешность и одежда варвара мало подходили к окружающей обстановке, воровские и разбойничьи подвиги Конана заставляли относиться к нему с уважением даже самых отчаянных головорезов.

Несмотря на свою молодость, он совершал дела, на которые не осмеливался ни один из опытных заморийцев, считавших себя лучшими ворами мира. Вместе с немедийцем Таурусом, которого называли «королем воров», он пробрался в Башню Слона,вшавшую трепет не одному поколению заморийцев, причем не только проник, но и ухитрился выйти оттуда живым, перед тем как силой неведомого колдовства башня рассыпалась в прах. Таурусу повезло меньше — он погиб в зловещей башне. На счету Конана было также дерзкое

ограбление нескольких богатых купцов Аренджуна, сокровища которых не спасли многочисленные охранники. Говорили, что именно он как-то, шутки ради, украл огромный алмаз из короны короля Заморы. Рассказывали также и о его воинском искусстве — якобы он как-то раз в одиночку расшивирял отряд стражников, вздумавших поиздеваться над бездомной старухой, случайно облившей молоком их предводителя. Многим из них после этого пришлось оставить службу из-заувечий. Однако перечислить все его воровские и разбойничьи подвиги не мог никто — киммериец не любил болтовни и хвастовства. Более-менее точно рассказать об этом мог только жрец, скопавший у Конана добычу, но тот, по вполне понятным причинам, также держал язык за зубами.

* * *

Сейчас Конан не торопился. Только что он выдержал нелегкую схватку с двумя охранниками знатного турецкого купца, решившими, что они шутя справляются с негодяем, посмевшим среди бела дня сорвать с их хозяина пояс вместе с кошельком, в котором хранился привезенный на продажу черный жемчуг, добытый ныряльщиками на побережье моря Вилайет. За каждую жемчужину было заплачено человеческой жизнью — глубины нелегко отдавали свои сокровища.

Сбитый киммерийцем купец барабанился в складках одежды, не в силах подняться, и орал охранникам, чтобы они догнали вора. Те бросились следом. Чудом им удалось не потерять след Конана в переплетениях узких аренджунских уложек. На бегу они выкрикивали оскорблений в спину Конана. Это и заставило варвара остановиться, хотя он мог бы без труда затеряться в Лабиринте, до которого оставалось уже не так далеко.

Забежав в глухой узкий дворик, Конан остановился и обнажил оружие. С волчьей усмешкой на лице он поджидал преследователей. Вскоре следом за ним во дворик ввалились двое туреццев. В руках у них сверкали длинные сабли, которыми оба великолепно владели, не раз применяя свое умение в схватках с разбойниками в пустыне. Но в узком дворе, между близко сходившимися стенами домов, эти сабли были бесполезны.

Размахиваясь, чтобы нанести удар, способный развалить человека, первый турец задел саблей за стену. Это замедлило удар, и Конан, скользнув к турцу, погрузил длинный кинжал в его живот. Второй охранник все же сумел нанести удар, но Конана уже не было на том месте, куда падала сабля. Турец действительно был хорошим воином. Несколько мгновений он теснил Конана, обрушивая на него град ударов. Затем киммериец сам перешел в наступление. Турецкая сабля скользнула по кинжалу и провалилась в никуда, а короткий меч Конана ответным ударом распорол одежду турца.

Тот начал действовать осторожнее. Его сабля уже не свистела вокруг головы киммерийца, а осторожно двигалась перед турцем, ожидая броска варвара. Противники кружили друг перед другом, ожидая, кто первым бросится в атаку. Заметив, что за спиной турца начинается узкий проход между домами, Конан обрушил на противника град ударов, каждый из которых заставлял того отступать на полшага. Турец почувствовал западню, когда уже было поздно. В последний момент он, пытаясь избежать ловушки, кошачьим движением прыгнул навстречу варвару. Конан встретил его увесистым пинком, вслед за

которым последовал стремительный удар меча, наискось проникшего в грудь охранника. Раздался хрип, бульканье, и бездыханный турец опустился на широкие гранитные плиты, которыми был вымощен двор. Конан осторожно огляделся вокруг, вложил меч в ножны и походкой гуляки продолжил путь к храму, где намеревался успешно сбыть вилайетский жемчуг.

Киммериец неторопливо пересек главный зал храма и исчез в потайной двери за алтарем, украшенным высеченным из камня изображением бога Ану. Он миновал небольшой коридорчик, ведущий в каморку жреца, и остановился перед приоткрытой дверью. Внутри приглушенно звучали голоса. Конан уловил имя Тауруса, скользнул в нишу у двери и замер, прислушиваясь. На протяжении своей карьеры профессионального вора он твердо усвоил, что порой мимолетный разговор, обрывок случайно брошенной фразы может принести удачу, и без угрызений совести решил подслушать разговор жреца с его неведомым посетителем, тем более что речь шла не просто о «короле воров», но о человеке, которому варвар в некотором смысле был обязан жизнью.

— Ты говоришь, он неносил тебе сапфиры? — говорил незнакомый голос, выговаривавший заморийские слова со странным тягучим акцентом.

Конан и сам не мог похвастаться совершенным знанием языка Заморы, но сразу определил, что собеседник жреца — выходец из южных стран. Северяне — нордхеймцы, аквилонцы, немедийцы — обычно говорили жестко, рублеными словами, и певучий язык в их устах звучал резко, как лай; южане же — стигийцы, вендийцы, кушиты, — наоборот, настолько растягивали слова, что язык был похож на долгий тосклиwyй вой шакала.

— Если правда то, что про них рассказывают, у меня даже не хватило бы монет, чтобы купить их. Да что там у меня! За эти камни можно купить половину Аренджуна, — отвечал хорошо знакомый Конану голос жреца.

— Таурс считал по-другому. Когда я в последний раз видел его, он говорил, что собирается предложить их тебе. Ты можешь поклясться двурогой тиарой Ану, что не видел их? — настаивал первый.

Конан знал, что старый жрец, хотя и занимался скопкой краденого, был фанатиком своего бога. Видимо, знал это и его неизвестный посетитель, иначе вряд ли стал требовать от него такой клятвы.

Когда жрец произнес ритуальные слова клятвы, незнакомец задумчиво продолжал:

— Ну что ж, тогда я знаю, где их искать. Таурс рассказывал мне о своем тайнике на старом кладбище и просил позаботиться о своей старой матери и любовнице, если задуманная авантюра приведет его к смерти. По справедливости, они должны владеть этими камнями. Но откуда-то об этом узнали и другие... Впрочем, это уже неважно... Скажи мне, кто может помочь мне в этом деле? Мне нужен надежный человек, который способен справиться с делом, и достаточно смелый, чтобы не обращать внимания на пустые страхи.

Жрец перечислил несколько имен самых известных в Лабиринте людей, в числе которых Конан не без удовольствия услышал и свое имя. Поняв, что разговор подходит к концу, он бесшумно выскользнул из тени и, стараясь производить как можно больше шума, распахнул дверь в каморку жреца. Судя по всему, гость жреца собирался уходить, и Конан рассчитывал хоть мельком увидеть его.

Он успел вовремя. Распахнув дверь, он заметил, как жрец прощался со своим гостем у выхода, выводившего на одну из неприметных уличек. Конан успел заметить широкое смуглое лицо, черты которого выдавали вендийское происхождение, и чрезмерную полноту гостя.

Впрочем, чтобы узнать его на улице, не нужно было запоминать ни телосложение, ни черты лица — достаточно было хоть раз увидеть его пеструю одежду, чтобы без труда опознать вендица даже в таком городе, как Аренджун, где жили представители почти всех народов гиборийской эры.

Конан подождал, пока жрец закроет дверь за своим гостем, затем вытряхнул из кошеля сегодняшнюю добычу. Небрежно бросив жемчуг на круглый резной столик, он повернулся к жрецу:

— По обычной цене?

— Настоящий вилайетский? — с сомнением в голосе осведомился жрец.— Если да, тогда возьму. А так... Жемчуга у меня много, и мало кто из ювелиров сейчас им интересуется.

— Хочешь, проверь, настоящий он или не настоящий, — проворчал киммериец. — Я зайду завтра, там и рассчитаемся. Только не пытайся меня надуть, я отлично помню, как они выглядят. Мне пора, сегодня нужно еще навестить одного старого знакомого. Выпусти меня.

* * *

На улице Конан огляделся. В запутанных улочках Лабиринта можно было затеряться в одно мгновение, но таинственный гость жреца, судя по всему, не был здесь постоянным жителем и не должен был ориентироваться в переплетении узких потайных проходов и искривленных переулков, которые, собственно, и образовывали Лабиринт. Скорее всего, он двигался по той же улице, на которую вышел из храма.

Ожидания Конана подтвердились. Невдалеке он заметил тучную фигуру вендица, тяжело переваливавшегося при ходьбе, словно гигантская пестрая утка. Скользнув в тень, киммериец бесшумно последовал за ним. Дождавшись, когда вендиец достигнет места, где свет одинокого уличного фонаря растворялся в непроглядной мгле, Конан метнулся вперед.

Стальные пальцы киммерийца сомкнулись на горле незнакомца. Он рывком втащил его в узкий темный переулок и, развернув, прижал к стене. Быстро обыскав вендица, Конан убедился, что тот безоружен, и слегка ослабил хватку. Ошеломленный толстяк хватал ртом воздух и непонимающе глядел на возникшего из темноты варвара.

— По-моему, у тебя было какое-то дело к Конану-киммерийцу. Я решил облегчить тебе задачу, чтобы тебе не пришлось долго искать меня. Здесь, знаешь, небезопасно ночью ходить по улицам. Ну что, потолкуем?

Вендиец начал приходить в себя. Когда он заговорил, в голосе не было ни страха, ни удивления:

— Довольно странный способ знакомства, но я рад, что не пришлось шататься по бесконечным грязным кабакам. У меня действительно есть небольшое дело, и я хотел бы поговорить с тобой, если ты на самом деле Конан.

— Можешь не сомневаться, - угрюмо заверил его варвар.

— Тогда, пожалуй, нам нужно будет все же посетить одну из этих забегаловок, чтобы не разговаривать стоя в темноте. Разговор будет не самый короткий.

— Пойдем,— коротко ответил Конан и углубился в узкий кривой переулок.

В улочках Лабиринта, как выразился один из его обитателей, сам Сет сразу же потерял бы свой хвост. Уже через несколько минут вендиец перестал понимать, где он находится и в каком направлении ведет его голубоглазый варвар.

На одной особо темной улице вынырнувшие из темноты люди потребовали у них кошельки. Ответом был сокрушительный удар кулака Конана, отбросивший незадачливого вожака грабителей на несколько шагов. Остальные, поняв, что нацелились на слишком крупную для себя дичь, поспешили раствориться в темноте.

Это происшествие впервые заставило Ченгар Бхутта засомневаться, удастся ли Гилзаху справиться с варваром. Но он быстро отбросил сомнения, вспомнив, что замориц уже долгое время заслуженно считается королем наемных убийц, а Конан — всего лишь молодой удачливый вор, отличающийся от других только ловкостью и силой.

Через несколько минут киммериец и его спутник подошли к неприметному серому зданию. Конан пригнулся и условным стуком постучал в подвальное окно. Оттуда кто-тоглянул, мелькнул огонек свечи, затем бесшумно открылась дверь. Конан со своим спутником спустились на несколько ступенек, миновали темный коридор и очутились в небольшой чистой комнате, освещенной висевшими на стенах масляными светильниками.

— Гуррах, вина и пожрать. Мой гость проголодался, — распорядился варвар, бросив ироничный взгляд на развалившегося в кресле тучного вендица. Казалось, что его тело переливается за подлокотники.

Почти моментально откуда-то из недр дома появился хозяин — тучный седобородый шемит, пропахший запахами кухни, и принял накрывать на стол. Когда Гуррах наконец удалился, киммериец жестом предложил своему гостю приступить к трапезе.

— Прежде всего я хотел бы представиться, — пережевывая кусок цыпленка, говорил вендиец, — мое имя Ченгар Бхутт. Покойный Таурес был, можно так сказать, моим другом. Нас с ним связывали не только деловые, но и простые человеческие отношения. Я доставал ему вещи, необходимые для его ремесла, он, со своей стороны, оказывал мне некоторые услуги. Когда ему потребовалась пыльца черного лотоса, я нашел немного этого порошка, ну а он время от времени снабжал меня вещами, которые для него не представляли ценности, а мне были необходимы.

— Интересно, что это за вещи? — вполголоса проговорил Конан. Эта реплика не требовала ответа, но Ченгар Бхутт отозвался:

— У каждого из нас свое дело. Ты, как и Таурес, занимаешься тем, что облегчаешь кошельки богатым. Я же торгуя секретами, представляющими интерес только для узкого круга посвященных. Если в твоей добыче найдется парочка монет, которые уже давно не имеют хождения ни в одном из ныне существующих государств, тебе они вряд ли пригодятся. Никто не захочет их купить, а я могу продать их колдунам Черного Круга, которым они необходимы для колдовства.

Впрочем, я отвлекся. Я пытался убедить Тауруса отказаться от затеи проникнуть в Башню Слона, но отговорить его мне не удалось. Он пошел и нашел свою смерть. Но перед этим он сказал мне, что, если с ним что-нибудь случится, я должен позаботиться о его старой матери и любовнице. Он открыл мне место, где припрятал клад на черный день, и сказал, что я должен продать его и передать им вырученное.

— Ну и зачем же я тебе понадобился? — прервал Конан затянувшуюся речь толстяка-вендица, который, судя по всему, любил говорить не меньше, чем есть.

— Именно для того, чтобы исполнить волю Тауруса. Дело в том, что клад спрятан в

весьма труднодоступном месте, и мне, по вполне понятным причинам, — тут он похлопал себя по выступающему животу, — не под силу туда добраться. Поэтому мне нужен человек, способный достать клад и передать его мне. — Непонятно было, как он успевал говорить и есть одновременно, но стоявшие перед ним блюда опустели.

— Что-то ты не особо торопился, — заметил киммериец, наливая себе пива из принесенного хозяином объемного жбана.

— На то были причины. Я находился далеко отсюда и не знал, чем закончилась авантюра Тауруса. Лишь недавно я вернулся и принялся искать. Но должен предупредить, что недавно за кладом началась охота. Выяснилось, что не только я знаю о его существовании. Видимо, Таурс проговорился еще кому-то, хотя это на него не похоже. Я не знаю, кто именно ищет клад, но в том, что его ищут, не сомневаюсь.

— И что же это за клад? — спросил Конан.

— Дюжины превосходных, чистейших сапфиров, которые добывают только в шахтах Уттары. Они огранены особым способом, и цену их даже трудно себе представить! — воскликнул толстяк, с воодушевлением размахивая руками.

— И где они находятся? — поинтересовался Конан, допив пиво.

Ченгар Бхутт искоса поглядел на него.

— Неподалеку отсюда. Но прежде чем я назову точное место, мы должны окончательно договориться. Я предлагаю тебе треть стоимости сапфиров. Остальные две трети я разделю между двумя безутешными женщинами, чтобы скрасить их горечь от утраты.

— А что мне мешает сейчас развязать твой язык, — лениво поинтересовался Конан, — и не делиться с тобой? — Синие глаза киммерийца жестко смотрели на собеседника.

— А ты уверен, что я скажу правду? — вопросом на вопрос ответил Ченгар Бхутт, выдержав его взгляд. — К тому же, если мы будем действовать вместе, ты получишь гораздо больше, чем сможешь получить, убив меня. Мало кто знает истинную цену этих камней. Даже Таурс только догадывался об их значении, хотя он и украл сапфиры из сокровищницы безумного короля Меру. Это камни из священной короны правителя Уттары. Для него они имеют особую цену. Есть предание, что Уттара будет существовать, пока эти камни сияют в короне ее владыки. Но несколько лет назад король Меру похитил дочь повелителя Уттары и потребовал за нее выкуп — эти сапфиры. Ему предлагали немыслимые ценности, но он остался непреклонен. И втайне ото всех правитель Уттары согласился на сделку. Он вернул дочь, но утратил сапфиры. И древние пророчества исполнились — государство начало разваливаться на глазах.

Теперь правитель стар и хочет передать власть своему сыну. На протяжении долгих лет ему удавалось хранить тайну. Но для коронации ему потребуется священная корона, в которой нет сапфиров. Если об этом узнает хоть кто-нибудь, правитель обречен, а вместе с ним будет убита вся его семья. Он был в отчаянии.

Но я узнал об этом и предложил ему достать сапфиры. Теперь ты понимаешь? Я могу продать их за такую цену, которую никто никогда не даст за такие камни, несмотря на их красоту. Ты не сможешь продать их без моей помощи. Принеси мне сапфиры, Конан, и я щедро вознагражу тебя. Какие монеты ты предпочитаешь — аквилонские ауреусы, туранские дирхемы? Три больших кошеля с монетами я передам тебе сразу же, как ты принесешь камни.

— Пять, — коротко обронил киммериец.

С тяжелым вздохом Ченгар Бхутт согласился. Конан знал цены на драгоценные камни и

понимал, что в Заморе он едва ли сможет получить даже десятую часть этой суммы. Он подумал, тщательно взвешивая слова собеседника, затем принял решение:

— Ну что ж, по рукам. Так где же Таурс спрятал камни?

— На кладбище бедняков, — ответил Ченгар Бхутт, — он решил, что самое надежное — оставить их под охраной суеверий. Отправляться туда нужно как можно раньше, лучше всего — прямо сейчас. Завтра утром уже может быть поздно. Кто-то еще пытается завладеть кладом Тауруса, и отнюдь не для таких благородных целей, как я. Надеюсь, тебя не пугают страшные сказки, которые рассказывают про это место.

Глава четвертая

Расставшись со своим собеседником, Конан некоторое время сидел, неторопливо потягивая пиво. Предложение вендица было весьма заманчивым, но кое-что в его рассказе заставляло Конана относиться к нему с подозрением. Услышав имя Тауруса, киммериец вспомнил события той жуткой ночи, когда они вдвоем с немедицем пытались забраться в зловещую Башню Слона. Вспомнил он и то, как был поражен, когда Таурс с помощью пыльцы черного лотоса справился с охранявшими башню львами. Тогда немедиц рассказывал, что он выкрад порошок из каравана, направлявшегося в Стигию. Да и все рассказы о бывшем «короле воров» говорили о том, что Таурс всегда действовал в одиночку, без помощников.

Конечно, Таурс мог его обмануть. Но обманывать мог и сегодняшний знакомый Конана. В любом случае, прежде чем отправиться за камнями, нужно было все тщательно обдумать. Допив пиво, киммериец поднялся из-за стола и вышел из дома. Сумерки давно уже сгостились и превратились в ночь. Где-то наверху, над крышами домов, стискивавших узкую улочку, угадывалась полная луна, но здесь, внизу, темнота была почти полной. На улице не было ни одного факела. Но Конану они были и не нужны. Ноги уверенно несли его по знакомым до последнего камня переплетениям закоулков Лабиринта.

По улицам размытыми тенями скользили одинокие фигуры людей. Время от времени из какого-нибудь глухого переулка раздавался звон стали. Из кабаков, расположенных на первых этажах, тянуло запахом кислого вина и слышался хриплый многоголосый хохот. Какой-то из прохожих, спешивших по своим темным делам, сунулся было к Конану, но вовремя узнал киммерийца и поспешил дальше. Жертвой внезапного нападения в Лабиринте мог стать любой человек. Безопасно себя здесь могли чувствовать лишь те, кто пользовался определенной известностью,— постоянные его обитатели, готовые встретить любого тяжелым ударом меча, или представители заморийской знати, которых всегда сопровождали многочисленные телохранители.

Конан добрался до небольшого дома, где снимал каморку на первом этаже, в которой хранились приспособления, необходимые для его ремесла, скользнул в дом, взял моток крепкой веревки, подпоясался коротким мечом и кинжалом и незаметно вышел на улицу. Время уже близилось к полуночи, но, прежде чем отправиться на кладбище бедноты, киммериец намеревался заглянуть еще в одно место.

В Аренджуне мирно уживались не только выходцы из большинства стран мира, но и представители самых различных религий. Благодаря этому последовательницы Деркэто организовали в городе несколько «веселых домов», проститутки в которых считались одаренными милостью Деркэто и отдавали большую часть дохода в пользу богини. Эти

бordeli и сами были храмами — в каждом из них стоял алтарь, и старые жрицы любви посвящали все свое время служению богине.

Вход в «храм любви» был ярко освещен закрепленными в кованых подставках факелами. Каждый факел был помещен в стеклянный сосуд, и их огонь окрашивался в разные цвета. Перед входом расположились несколько старух, промышлявших сбором подаяния. Конан не глядя бросил им несколько медяков и намеревался пройти мимо, не обращая внимания на обычные изъявления благодарности. Внезапно одна из нищенок схватила его за край туники иссохшей морщинистой рукой. Варвар непроизвольно обернулся. Из складок одежды донесся резкий шамкающий голос:

— Не тревожь чрево города. Не буди уснувших. Полная луна предвещает смерть. Подземные обитатели жаждут мести.

Бормотание старухи напоминало бред безумца, но Конан услышал в нем то, что было созвучно с его собственными мыслями.

— О чем ты говоришь, почтенная? — спросил он, бросив ей мелкую монетку.

Старуха схватила ее на лету и так же монотонно, размеренно продолжала:

— Не тревожь души умерших; не беспокой душу города.

— Какую душу? — спросил киммериец.

— У каждого города — своя душа, — продолжала старуха. — Душа Аренджуна покоится на рабском кладбище. Там, где обитают прежние владельцы, даже камни хранят память о колдовстве. Под кладбищем — черное сердце города. Не буди тех, что спят...

Ее бормотание постепенно начало повторяться и перешло в обычные причитания. Киммериец послушал этот бред, пытался еще расспросить ее о душе города, но понял, что взятного ответа не добьется, и шагнул в дверь «храма любви».

* * *

Высокая стройная заморийка с кожей оливкового цвета обвила руками шею киммерийца и откровенно прижалась к нему.

— Ты останешься сегодня на ночь? — прошептала она ему на ухо голосом, способным разбудить страсть в евнухе.

— Я вернусь позже, — ухмыльнулся варвар, — подожди меня, Камела. А сейчас мне хотелось бы перекинуться парой слов с хозяйкой.

Он исчез за расшитой занавесью, ведущей в комнату, где его встретила старая женщина в одеждах жрицы Деркэто. Спустя короткое время Конан вышел оттуда и остановился в углу зала, рассматривая разношерстную публику. Несколько стражников развлекались с коринфийскими невольницами; рядом с ними известный грабитель из Лабиринта прижимал к себе красивую стигийку, что-то нашептывающую ему на ухо; светловолосая бритунка прилагала все усилия, чтобы привлечь кавалера, манеры которого выдавали выходца из высших слоев общества. Все выглядело так же, как и в любой другой день. Еще раз окинув взглядом это соборище и кивнув на прощание Кареле, Конан выскользнул из дома.

Ночью, в бледном мертвенно-бледном свете, это место выглядело еще более страшным. Бледная круглая луна лила на землю призрачный свет. Словно неземное лицо безумного бога, смотрела она на изрытую отверстиями шахт пустоту, и в мутном, бледном свете плыли и колебались тени сухих, искривленных, словно души чернокнижников, деревьев. Из черных провалов — дыр в земле поднимался пар, медленно плывший вслед за ветром, и струилось зловоние.

Говорили, что этот холм когда-то, в незапамятные времена, облюбовали изгнанные из древней Валузии люди-змеи, которые забыли уже к тому времени тайны своей, некогда могучей, культуры и вернулись к тому способу существования, который был присущ их природе.

Они превратили холм в одну огромную змеиную нору, изрыли подземелья лабиринтом переходов и отравили землю своей магией. С тех пор никто из людей не селился на этом месте, а все, что росло здесь, было отравлено испарениями мертвых змей, которые до сих пор лежали, полумертвые, полуживые, в этой гробнице, которую создали сами для себя. Но если мертвые нелюди и тлели где-то в глубине холма, они давно уже были завалены другими трупами.

Поговаривали также, что по ночам здесь часто бродят ларвы — души убитых, жаждущих отомстить любому живому человеку, затаскивающие людей вглубь холма и насылающие на них пелену смертельного безумия, заставляя самих людей разрывать свое тело на части и пожирать их до тех пор, пока человек сам не вырывал у себя сердце.

Гандер Бенито, у которого как-то раз вышла стычка с капитаном дворцовой стражи, после чего он не нашел лучшего места, чтобы спрятать труп, говорил, что из шахт доносятся сводящие с ума всхлипы и бормотание, которые может издавать только один вид живых существ — непогребенные мертвецы, восставшие из серого сумрака иного мира.

«Было тогда полнолуние, и словно желтый лик Нергала сиял в небесах, а я как услышал этот шепот и бормотание, меня по спине аж мороз продрал,— рассказывал Бенито Конану во время очередной попойки.— Я, Митра свидетель, никакого противника не боюсь. Ты и сам знаешь, что я никогда от схватки не бегал. Но оттуда бежал так, словно за мной сам Нергат вместе с Эрликом гонятся и раскаленным железным прутом задницу подпаливают. И, клянусь Митрой, без нужды я туда не отправлюсь, пока остатки ума бултыхаются у меня в голове. А идти туда в полнолуние — это вообще самоубийство, все равно что с голыми руками стать на пути у разъяренного вендинского слона. А спуститься вниз, под землю, — это еще хуже. Тогда потеряешь не только жизнь, но ларвы похитят твою душу, и ее будут терзать демоны до конца времен. Воистину только какой-нибудь маг мог бы остаться невредимым, попади он в эти проклятые богами ямы».

* * *

Многочисленные грифы, спавшие, расположившись на корявых, лишенных листьев деревьях,казалось, ждут очередного подношения. Черные провалы шахт казались воротами в загробный мир. Впрочем, в некотором смысле так это и было — за многие годы подземелья

были завалены трупами бедняков.

Даже сейчас Конан заметил краем глаза беднягу, пробирающегося среди гор зловонных нечистот, держа на плечах тело своего товарища. Видно было, что покойник одет в свои лучшие одежды — подаренные хозяином обноски, когда-то роскошные, шитые давно уже потускневшим золотом и превратившиеся теперь в грязные лохмотья, едва прикрывавшие наготу изможденного тела. Неподалеку копошилось жуткое подобие человека — страшная, сгорбленная ведьма — старуха-колдунья, рывшаяся в выбеленных временем человеческих костях, пытаясь отыскать косточки, пригодные для ворожбы. Конан огляделся вокруг и содрогнулся от омерзения. На мгновение ему представилось, как безжизненные губы высасывают мозг из человеческих костей.

С момента начала спуска киммерийца не оставляло смутное предчувствие опасности. Он почти физически ощущал, как в него впиваются невидимые взгляды, кто-то постоянно за ним наблюдает. Поэтому, когда он коснулся дна, в руке его был длинный обоюдоострый кинжал, и он был готов отразить любое нападение. В шахте царила кромешная тьма. Даже Конан, видевший ночью не хуже, чем днем, не мог ничего разобрать в окружающем мраке.

В этой темноте было что-то неестественное, словно она была живой и всеми силами пыталась преградить путь безумцу, вторгшемуся в какие-то запретные пределы. К удивлению Конана, внизу не чувствовалась вонь, столь явно ощущимая наверху. А может быть, это начала действовать полученная от Ченгар Бхутта мазь, которой киммериец натер ноздри, прежде чем спуститься вниз. Конан зажег светильник. Неверный свет выхватывал земляные стены, крошащиеся под ногами кости. Временами в пятно света попадал чей-то выбеленный временем череп, пустые глазницы которого таращились в никуда. Поглядев вверх, Конан увидел несколько бледных звезд, словно окружающая темнота гасила их свет.

На него никто не нападал. Тем не менее чувство опасности не оставляло Конана и еще более усилилось, когда он перевел взгляд на штольню, в которую ему нужно было идти. Нужная ему штольня виднелась как темное пятно.

Под легким наклоном она уходила в глубину холма. Свет не проникал в черный провал. Конан, не выпуская из рук кинжал, углубился в штольню. Огонь светильника временами выхватывал из темноты разбросанные кости, растрескавшиеся своды.

Отсчитав четвертый тоннель справа, Конан покинул основную штольню. Через несколько шагов он уперся в тупик. Поставив фонарь, он тщательно осмотрел стены. Нигде не было видно следов тайника Тауруса, но он, следуя указаниям Ченгар Бхутта, начал тщательно ощупывать правую стену. Через мгновение его пальцы почувствовали в казавшейся монолитной каменной стене несколько трещин. Было ясно, что отверстие в стене закрыто идеально пригнанным камнем. Конан пытался расшатать его руками, затем вогнал лезвие кинжала в трещину и, используя его как рычаг, начал выламывать камень из стены.

Через несколько мгновений ему удалось открыть тайник. Осторожно осветив его, он не заметил ничего, кроме небольшого мешочка. Конан вытряхнул его содержимое себе на ладонь и замер, пораженный неземным сверканием камней. Даже здесь, глубоко под землей, в кромешной тьме, можно было оценить их завораживающую сияющую красоту.

Но Конан не был расположен предаваться долгому созерцанию. На мгновение блеск камней притупил зудящее чувство опасности, однако оно не исчезло. Киммериец всем телом ощущал витавшее вокруг зло. Он ссыпал сапфиры обратно в мешочек, спрятал его в складках одежды и наклонился за светильником, собираясь как можно быстрее отправиться назад. По спертому неподвижному воздуху подземелья пронеслось бесшумное дуновение ветра, словно

выдохнул неведомый гигант, замурованный в одной из стен. Огонь в светильнике съежился, замигал и погас.

Конан понял, что случилось как раз то, чего он опасался. Он выругался, помянув имена всех известных ему демонов, призывая на них божественный огонь Митры, и замер, прислушиваясь к царящей тишине.

К его удивлению, окружающий мрак поредел. Теперь это была не сплошная темень, а, скорее, сероватый сумрак, наполненный шевелением бесплотных теней. И в этом сумраке Конан видел, как от стен подземелья отделяются плывущие тени. При взгляде на них волосы зашевелились на затылке варвара. Это были ларвы — тени мертвцев, брошенных в этой шахте без достойного погребения.

— Кром! — выдохнул киммериец.

На мгновение он оцепенел. Каждый народ хранит предания о воскресших мертвцах. В Киммерии рассказывали, что человек, лишенный достойного погребения по своим обрядам, может вернуться из мрачного царства хозяек Серых Равнин, чтобы отомстить живым.

Легенды оказались правдой. Одного вида этих призраков, метавшихся по подземелью, хватило бы, чтобы свести с ума любого изнеженного горожанина, который и дня не смог бы прожить без привычного уюта. Но Конан был слеплен из другого теста. Его соплеменники не испытывали мистического ужаса перед нежитью и издавна сражались с возвратившимися с Серых Равнин.

Тени кружились вокруг, нашептывая бессвязные слова, бормотали, издавая звуки, недоступные человеку. И в этих звуках слышался завораживающий зов, разъедающий волю и вызывающий желание остаться здесь навсегда, погрузиться в забвение. От этих звуков людей охватывало безумие, и немногие находили силы сопротивляться зловещей силе. Но киммериец был не из таких людей. Нужно было что-то гораздо более жуткое, чтобы лишить его способности сражаться.

Конан извлек из ножен короткий меч и бросился вперед, к выходу из шахты. Ларвы метались вокруг. Один из призраков бросился наперерез варвару. Конан наотмашь рубанул мечом и почувствовал, что перед ним не бесплотная тень, а нечто, обладающее плотью. Но в то же время это не было тело живого существа, существа из костей и крови,— словно сгустилась тень и превратилась в вязкое месиво.

Жуткий, хриплый вопль вырвался из поверженного Конаном призрака. Он словно подстегнул остальных, и они, жавшиеся ближе к стенам, набросились на киммерийца. Киммерийца спасла быстрота. Он не остановился, поразив первую из тварей, и ее вопль не задержал его ни на мгновение. Теперь, когда непроницаемая темень сменилась серым колдовским мороком, ему не требовался светильник, и киммериец отчаянно рванулся к центральной штоле, а призраки понеслись за ним чудовищным дымным шлейфом.

Выскочив в штолю, Конан помчался к выходу. Однако перед ним вырос новый противник. Посреди шахты стоял высокий призрак... Нет, его уже нельзя было назвать призраком. Это был мертвец, оживленный чудовищной демонической силой, дававшей подобие жизни другим ларвам. На его костях еще болтались куски неразложившейся плоти и остатки одежды. Конан понял, что схватка неизбежна. Не замедляя бега, он нанес рубящий удар мечом.

Отрубленная рука мертвца упала на пол, но на того, кто уже был однажды убит, это не произвело впечатления. Оставшаяся рука схватила киммерийца за горло и сдавила с нечеловеческой силой. Конана спасли только его стальные мускулы — шея более слабого

человека сломалась бы. Варвар попытался отпихнуть нежить пинком, но это произвело эффект не больший, чем если бы он пинал стену шахты. Тогда он резко присел, схватив кисть мертвеца и выворачивая ему руку. Ему удалось освободиться от захвата. Раздался треск. Рука мертвеца была сломана, но пальцы по-прежнему хватали воздух. Отскочив назад, Конан обрушил удар меча на шею твари, затем, схватив ее голову, приложил ее к ляжкам упавшего. Тело еще конвульсивно дергалось, но киммериец знал, что опасность от этого врага ему больше не грозит.

Схватка задержала Конана, и вихрь теней настиг его. Их склизкие, водянистые тела облепили киммерийца. Бешено орудуя мечом и кинжалом, ему удавалось обороняться от них, но о том, чтобы попытаться выбраться из шахты, не приходилось и думать. Прижавшись спиной к стене, варвар защищал свою жизнь, отбрасывая нападавшую нежить. Он разрубал медузообразные тела, отталкивал их, но напор ларв не ослабевал. Они чувствовали присутствие живого человека, и их гнало вперед единственное желание — добраться до него, отомстить живым за надругательство над их телами.

Продолжая механически обороняться, Конан просчитывал шансы на спасение, но выводы его были неутешительны. Даже если бы удалось добраться до веревки, по которой он спустился в шахту, огромная масса повисших на нем тварей вряд ли позволила бы подняться наверх. Но иного выхода не было. Силы любого человека не беспредельны. Конан чувствовал, что его внимание начинает ослабевать и проклятые твари подбираются все ближе. Его спасало только то, что студенистые подобия тел ларв не позволяли им двигаться со скоростью обычных людей. До сих пор это спасало варвара. Но уже несколько раз воплощенные тени прорывались через сверкающую завесу, сотканную Конаном вокруг себя, и впивались ему в ноги. Конан продолжал отбиваться, выжидая удобного момента, чтобы добраться до спасительной веревки и выбраться из шахты.

Однако все мастерство киммерийца было бессильно против напора мертвецов. Их вязкие тела, разрубленные на части, покрывали пол шахты, но оставшиеся по-прежнему стремились добраться до человека. Конану пришлось отступить на шаг, затем снова и снова... Словно повинуясь чьей-то злобной воле, ожившие призраки медленно, но верно оттесняли киммерийца вглубь подземелья. Шипя, бормоча невразумительные слова, они преграждали путь к выходу, оставляя свободным противоположный конец штольни.

Конан сражался с отчаянием обреченного. Раз за разом он отпихивал ларв, но неуклонно отступал все дальше и дальше в темноту. Ларвы уже оттеснили киммерийца в конец туннеля. Ему приходилось сражаться, полагаясь только на свое чутье,— никто не смог бы ничего разглядеть в окружающем мраке. Смутное чувство опасности удержало его от очередного шага назад. Конан прислонился спиной к стене и осторожно ощупал ногой пол шахты. Чутье не подвело его и на этот раз — сзади был провал, ведущий в неизвестность.

Однако это открытие не спасло Конана. Очередная атака его противников заставила его отступить на шаг, земля поплыла под ногами, и киммериец полетел вниз. Его падение длилось недолго. Конан упал на покатый склон и покатился по нему вниз. Еще в детстве, на склонах гор Киммерии, он научился падать. Это умение пригодилось и сейчас.

Он сгруппировался, тело его утратило жесткость, и словно огромный шар варвар покатился навстречу неизвестности. К удивлению Конана, вскоре спуск оборвался. Киммериец вскочил на ноги и огляделся. Его враги остались позади — никто не последовал за варваром в этот колодец, как будто ларвы стремились загнать туда человека и, добившись своей цели, успокоились. Туннель, находившийся глубоко под землей, был освещен слабым,

призрачным голубоватым светом, сочившимся неизвестно откуда. Казалось, словно светится сам воздух. В боковых стенах кое-где виднелись черные провалы. Конан понял, что освещен только центральный коридор этого подземного лабиринта. Он тянулся вдаль, расширяясь и образовывая огромную пещеру. Пожав плечами, Конан двинулся вперед. Что бы ни ожидало его впереди, возвращаться к ларвам ему не хотелось.

Вскоре стены туннеля раздались вширь, потолок поднялся, и Конан очутился в большом гроте. Коегде вверх уходили странно искривленные колонны, достигавшие свода пещеры, виднелись груды камней, почемуто напомнившие Конану полуразрушенные укрепления древних городов, виденные им как-то в пустыне. Про эти города рассказывали, что их населяла древняя раса обитателей Лемурии или еще более загадочные люди, в которых было больше демонического, чем человеческого. Впрочем, Конан никогда не придавал значения подобным рассказам — он хотел жить, ощущать вкус мяса и вина, любить женщин, а не уподобляться трусам, млеющим от рассказов бродячих певцов, представляя себя героями старинных легенд.

Сжимая в руке меч, киммериец пересекал пустынную пещеру. Внезапно под ногой что-то хрустнуло. Он наклонился и поднял с пола пожелтевшую от времени кость. Одного взгляда было ему достаточно, чтобы понять, что он держит в руках человеческое ребро. Разбросав ногами пыль, покрывающую каменистый пол, он увидел весь скелет и почувствовал, что волосы у него на затылке встали дыбом. Перед ним лежал скелет какого-то жуткого существа: человеческий скелет венчал огромный змейный череп. Погившее существо имело человеческое тело и змеиную голову.

— Кром! — вполголоса пробормотал Конан, оглядываясь вокруг, словно ожидая увидеть такого же, но ожившего, монстра. Однако пещера по-прежнему была пустынна и безмолвна. — Значит, рассказы о людях-змеях оказались правдой, — медленно проговорил Конан.

Он наклонился над скелетом и принял внимательно разглядывать его. Было ясно, что причина смерти не имеет ничего общего с магией: в груди человека находилось множество наконечников — он был буквально нашпигован стрелами. Мертвец, погибший в бою тысячелетия назад, до сих пор сжимал в руке, уже лишенной плоти, странный узкий извивающийся клинок — нечто среднее между мечом и кинжалом.

Сkeptически хмыкнув, Конан поднял этот непривычного вида клинок. Лезвие его было изготовлено из неизвестного киммерийцу материала. По нему шли причудливые узоры — короткие завитки, неправильного вида круги. Усмехнувшись, он засунул его за пояс и двинулся дальше, вглубь пещеры.

Теперь киммериец напоминал крадущегося хищника. Его мускулы были напряжены, он ожидал нападения из-за каждого нагромождения камней. Инстинктивно он чувствовал, что это место наполнено злом, более древним, чем он мог себе представить. Пересядя огромный подземный зал, он оказался перед развилкой. Один туннель круто уходил вниз, другой поворачивал и шел вверх. По расчетам Конана, он должен был выходить в покинутую им шахту, а значит, ближе к поверхности. Выбор был очевиден — Конан направился вверх, стремясь покинуть это проклятое место.

В многочисленных боковых ходах чувствовалось неясное шевеление, несколько раз он чувствовал взгляд чьих-то горящих в темноте глаз. Однако никто из таинственных обитателей пещер пока что не пытался напасть на киммерийца. Несколько раз он натыкался на древние скелеты, видел обломки истлевшего от времени оружия. Было видно, что когда-то, в незапамятные времена, в этих подземельях кипела жестокая битва.

Конан обратил внимание, что некоторые кости расплющены, будто кто-то пытался извлечь из них мозг. Это навело его на мысль, что и после исчезновения неизвестных хозяев подземелий в пещерах оставались существа, представляющие опасность. И словно в подтверждение этого вывода из очередного бокового хода, преграждая ему путь, в туннель ринулось жуткое создание — ожившее воплощение ужаса подземелий.

Оно напоминало нечто среднее между обезьяной и змеей, лягушку, выросшую до размеров гориллы. Голая, лишенная шерсти кожа чудовища была покрыта бородавками и отвратительной слизью, огромные белесые глаза сверлили человека, посмевшего вторгнуться в подземный лабиринт. Задние лапы были массивными и мускулистыми, словно колонны небольшого храма, передние же, наоборот, казались маленькими и слабыми — слабыми, разумеется, только для чудовища; их силы хватило бы, чтобы переломать хребет носорогу, к тому же каждый из трех толстых корявых пальцев передних лап заканчивался когтем величиной с небольшой стилет. Вытянутая морда представляла собой что-то среднее между головой змеи и крокодила; в приоткрытой пасти виднелись длинные желтоватые зубы.

Мелькнул и спрятался жесткий язык. Чудовищная рептилия сглотнула, с вожделением глядя на свою добычу. За эту ночь Конан увидел уже достаточно такого, что свело бы с ума другого человека, не обладавшего стальной волей и неукротимой жизненной силой киммерийца. Однако вид этого создания, этого выходца из мрачных бездн, явившегося в пещеру словно прямиком от трона Нергала, заставил его содрогнуться. Варвар почувствовал, как холодной змейкой точит его страх. Белесые полуслепые глаза чудовища завораживали, таившаяся в них пустота затягивала Конана. Это не было похоже на магические уловки колдунов гиборийского мира, основанные на гипнотическом подчинении человеческой воли, — это была более древняя и, к счастью, забытая магия.

Конан мог бы поклясться, что тварь не произнесла ни звука, но в ушах его внезапно зазвучал голос. Монотонно, повторяя одно и то же, он бормотал:

— Смертный. Смертный, переступивший порог. Смертный должен остаться над могилой повелителя.

Тварь начала раскачиваться из стороны в сторону. Пасть раскрылась в подобии кошмарной улыбки. Конан заметил, что ее задние лапы напряглись перед броском, и отпрянул в сторону. Как раз вовремя, потому что через миг рептилия прыгнула вперед. Киммериец почувствовал прикосновение слизистой кожи. Опоздай он на долю мгновения, и удар когтистой лапы расположился бы его, оставив лишь лохмотья кожи.

Он не стал дожидаться новой атаки чудовища и, схватив меч обеими руками, нанес удар по его загривку. Результат был такой же, как от булавочного укола. Меч отскочил от кожи, не причинив твари ни малейшего вреда, и человек вновь оказался лицом к лицу с подземным стражем.

Поединок продолжался. Благодаря своей нечеловеческой ловкости Конану удалось несколько раз увернуться от нападения твари. Но ее разум был не столь примитивным, как могло показаться. В очередной раз отскочив с линии атаки, Конан очутился в тесной расщелине, лишенный возможности увернуться. Понимая, что следующий прыжок будет для него последним, киммериец метнул меч, целясь в глаз чудовища — его единственное уязвимое место. Клинок вонзился в цель. Раздался оглушительный рев, в котором сплелись боль и ярость. Но рептилия не отступила ни на шаг. По-прежнему стоя на месте, она преграждала Конану выход из расщелины. С мечом, торчавшим из глаза, она выглядела смешно, но Конану было не до смеха. Он понимал, что смотрит на свою смерть.

Призвав Крома, Конан извлек из-за пояса найденный им в пещере странный клинок и, прислонившись к скале, приготовился подороже продать свою жизнь. Надежды на спасение не оставалось, но киммериец надеялся, что с помощью богов сможет захватить с собой в иной мир и своего противника.

— Ну что, болотный выползень, жаба-переросток? — насмешливо обратился он к твари.
— Подойди поближе, и ты вернешься к своим мертвым хозяевам. Иди, и я покончу с тобой.

Для убедительности он взмахнул своим жалким, непривычным оружием, подзывающим рептилию. Чудовище наконец прыгнуло. Передние лапы стиснули киммерийца в смертельном захвате, когти разодрали его спину. Конан выкинул вперед руку с мечом, даже не надеясь причинить этим ударом вред противнику. Но, к его удивлению, клинок по рукоять погрузился в живот рептилии. Ее лапы разжались, выпустив Конана, в единственном глазу засветилось что-то похожее на удивление.

Издав вой, исполненный боли, тварь отшатнулась от киммерийца. Обхватив торчащий в животе клинок, она выдернула его, бросила на него затухающий взгляд единственного уцелевшего глаза.

— Повелитель, — вновь услышал, точнее, почувствовал Конан голос умирающего чудовища. — За что, Повелитель?

В следующее мгновение огромное тело монстра рухнуло на пол пещеры. Подойдя к безжизненному телу, Конан выдернул из глаза свой меч, затем подобрал искривленный клинок, спасший ему жизнь. От него осталась только рукоять — лезвие словно растворилось в крови чудовища. Без сожаления Конан отбросил ненужное оружие и двинулся дальше.

Туннель медленно поднимался вверх. Вскоре голубоватое сияние, освещавшее нижние этажи подземного лабиринта, погасло. Туннель неуклонно сужался. Конан продолжал путь во мраке, лишь способность видеть во тьме помогала ему продвигаться вперед. Наконец Конан добрался до центрального хода шахты. Справа виднелось отверстие, в которое он спустился. Оставалось сделать лишь несколько шагов. Киммериец мысленно возблагодарил Крома за спасение и направился к оставленной им веревке.

Внезапно, уловив какое-то шевеление во тьме, он резко остановился. Пространство узкого туннеля вновь наполнилось смутными силуэтами ларв. Загнав варвара в колодец, они остались в шахте, поджиная новую жертву, и, почувствовав присутствие живого человека, набросились на него.

— Это уже слишком, — пробормотал Конан.

Он еле стоял на ногах после схватки с пещерным стражем и понимал, что не сможет выдержать нового боя с призраками. Вновь ему пришлось отбиваться от наваливающихся на него волнами ларв. Из последних сил он отбрасывал их, разрубал студенистые тела, понимая, что долго выдержать их натиск ему не удастся. Помощь пришла неожиданно. Внезапно по веревке с обезьяней ловкостью соскользнул невысокий человек, в одной набедренной повязке. Оказалвшись внизу, он огляделся, мгновенно оценил происходящее и замер. К удивлению Конана, он не испугался, не пытался вскарабкаться наверх, но и не бросился на помощь человеку, сражавшемуся против нежити. Казалось, он просто наблюдает за происходящим, не испытывая никаких чувств.

Через несколько секунд ларвы почуяли присутствие нового человека. Поток теней, тянувшийся из глубины подземелья, разделился. Одни по-прежнему накатывались волнами на Конана, другие же поползли ко второму человеку. Тот усмехнулся, выплюнул что-то себе на ладонь, бросил через плечо и произнес несколько фраз на незнакомом киммерийцу языке.

Эффект был потрясающий. Твари остановились и потянулись назад. Вокруг людей словно образовалась какаято черта, перейти которую они не могли. В бессильной злобе тени метались у нее, стараясь добраться до Конана и его спасителя. Маленький человечек с усмешкой, как показалось Конану, осмотрелся вокруг, затем жестом указал на веревку. Киммерийца не нужно было долго упрашивать. Вложив оружие в ножны, он подпрыгнул, ухватился и через несколько мгновений был наверху. Почти одновременно с ним из шахты выбрался и его спаситель. За ними послышался глухой вой ларв. Незнакомец осмотрелся и перерезал веревку коротким кривым ножом. Внизу, в шахте, послышался звук обвала, и вой мертвецов перешел в хриплый предсмертный стон. Желтолицый обернулся к Конану.

Два человека внимательно рассматривали друг друга в бледном свете луны. Киммерийцу никогда прежде не доводилось встречать подобных людей. Маленького роста, коренастый, с развитыми мускулами ног и рук, спаситель Конана принадлежал к какой-то незнакомой, явно не западной расе. Об этом говорили его широкие скулы и раскосые глаза. Но он не был похож и на представителей известных киммерийцу восточных рас — кхитайцев и вендицийцев. Постепенно Конан начал понимать, с кем имеет дело...

— Ты - Конан из Киммерии,— коверкая заморийские слова, произнес незнакомец.

Конан безмолвно смотрел на него. Было похоже, что маленький человек не ждет ни подтверждения, ни опровержения. Он просто сказал то, что знал.

— Я - Вонху из Уттары, — продолжил тот с таким видом, словно его имя могло объяснить собеседнику происходящее. Конан по-прежнему молча смотрел на него.

— Я - забрать сапфиры, — сказал Вонху.

Киммериец усмехнулся. Еще несколько минут назад он был готов выбросить сапфиры, если бы это помогло ему. Он мог бы сам отдать их своему спасителю в знак благодарности. Но отдавать их незнакомцу по его приказу он не собирался.

— Я - забрать сапфиры, — повторил Вонху и протянул руку.

Конан покачал головой:

— Благодарю тебя за избавление от этих тварей, — он сделал жест в сторону черного провала в земле, — но сапфиры принадлежат мне. А я обещал отдать их другому человеку.

Лезвие короткого кривого ножа мелькнуло перед глазами киммерийца, и он чудом успел отшатнуться. В следующий момент Конан получил несколько чувствительных ударов. Нападение Вонху было столь стремительно, что варвар не успел уследить за его движениями, не говоря уже о том, чтобы выхватить меч. В следующий момент кровь заструилась из широкой раны на левой стороне груди Конана. Он упал назад, перекатился и молниеносно вскочил на ноги.

Ярость багровой пелены застилала ему глаза. Этот желтолицый недомерок, напавший исподтишка, без предупреждения, должен был поплатиться. Тем временем на Конана обрушились новые удары, которые он не успевал парировать. Чудом он увернулся от направленного в горло ножа и успел схватить своего противника за запястье. Нож, звякнув, выпал из ослабевшей руки. Конан развернул Вонху и от всей души врезал кулаком ему в лицо.

Маленький человек упал замертво. Лицо его превратилось в кровавое месиво. Кулак киммерийца мог повалить на землю быка, не говоря уже о человеке. Конан наклонился и пощупал пульс лежащего.

— Жив,— проворчал он, поднял тело и взвалил его на плечо.

Первым побуждением киммерийца было сбросить тело в шахту. Но постепенно он начал успокаиваться.

— В конце концов, он спас мне жизнь, — проворчал Конан.

Он нашел выпавший нож уттарца, засунул его себе за пояс и направился в сторону города. На кладбище бедноты вновь воцарилась тишина. Лишь летучие мыши безмолвными тенями метались в лунном свете, да безумная старуха-колдунья по-прежнему рылась в груде человеческих костей.

Глава шестая

Гилзах пришел к месту засады на кладбище бедноты еще вечером. Чтобы остаться незамеченным, он переоделся в одежду раба — беглые невольники зачастую рылись в грудах мусора, пытаясь найти что-нибудь съедобное. Он видел, как варвар появился на кладбище и прошел мимо него, петляя между наваленными кучами мусора и черными провалами шахт. С момента его появления прошло уже довольно долгое время, и Гилзах начал подозревать, что киммериец отправился обратно в город другой дорогой.

Ночь уже была на исходе, когда высокая фигура Конана появилась на тропке. Киммериец нес что-то на плечах. В темноте Гилзах поначалу принял ношу варвара за мешок, но вскоре разглядел, что это бесчувственное тело человека. Конан поравнялся с мусорной кучей, в тени которой затаился убийца, и спокойно прошел мимо.

Гилзах поднес к губам духовую трубку, прицелился и резко выдохнул воздух. Легкая стрела, смоченная смертоносным ядом змей из болот загадочного Кешана, понеслась в незащищенную спину варвара...

* * *

Пленник начинал приходить в себя. Дыхание его стало прерывистым, затем раздался короткий стон, и Конан почувствовал, как напряглись мышцы человека на его спине. Остановившись, Конан снял его с плеча и начал осторожно опускать на землю. Внезапно бесшумно вылетевшая из темноты маленькая стрелка вонзилась в спину так и не пришедшего в сознание Вонху. Желтолицый едва ощутимо содрогнулся. Но когда тело его коснулось земли, он был уже мертв.

Конан уже видел действие маленьких отравленных стрел, пущенных из духовой трубы, поэтому реакция его была мгновенной. Он упал на землю и откатился в сторону. Вторая стрела клюнула землю в пяди от него. Краем глаза Конан успел заметить расплывчатый силуэт затаившегося в тени человека и, вскочив, стремительно бросился за ним, выхватывая из ножен меч. Гнев победил в нем осторожность. Мало того, что неизвестный убийца подло стрелял ему в спину, как трус, который боится стать лицом к лицу с врагом, он к тому же убил человека, спасшего Конану жизнь.

Увидев бросок киммерийца, Гилзах понял, что не успеет достать очередную стрелу. За ночь у него была масса времени, чтобы определить пути для отступления в случае неудачи. Он молниеносно скользнул в узкий проход между двумя кучами камней и побежал по извилистой тропке. Но оторваться от преследователя ему не удалось. Конан, видевший ночью почти так, как днем, отчетливо различал фигуру убегавшего человека и постепенно настигал

его.

В полной тишине они мчались по безжизненному пустырю. Конан чувствовал, что силы его противника на исходе. Уже несколько раз он спотыкался и только чудом удерживался на ногах. Он выронил свою смертоносную трубку и колчан с маленькими стрелами, которые превратились в труху под сандалиями Конана. Почувствовав, что варвар догоняет, Гилзах внезапно остановился на краю одной из шахт и, развернувшись, метнул в преследователя тяжелый метательный нож. В последний момент Конан успел отбить его мечом. Гилзах выхватил из-за пояса еще один нож, приготовился к броску, но вдруг земля поплыла у него под ногами.

Огромный пласт земли пополз вниз, в шахту. В отчаянии он выронил нож, пытаясь удержаться на склоне, но оползень неудержимо повлек его вниз. Он закричал, но его крик оборвался.

Конан осторожно подошел к краю шахты и заглянул в нее, но даже его взгляд не смог ничего разобрать в кромешной темноте, царившей внизу. Ценой своей гибели убийца ускользнул от него. Если даже он остался жив после оползня, внизу его, бесчувственного, ожидала еще более страшная смерть. Конан повернулся и отправился обратно, к телу Вонху. Желтолицый не был трусом, сражался лицом к лицу и, по крайней мере, заслуживал погребения. Однако тела на месте не оказалось. Конан почувствовал, что от событий этой ночи голова у него идет кругом. Обыскав все вокруг, он не нашел ни малейшего следа убитого Вонху. В конце концов, вспомнив обворожительную улыбку Карелы и свое обещание навестить ее, киммериец прекратил поиски и быстрым шагом направился в город. Когда он добрался до храма Деркэто, уже рассвело, и восходящее светило бледными лучами красило небо над Аренджуном.

* * *

Когда земля исчезла у него из-под ног, Гилзах был уверен, что вскоре неизбежно окажется в царстве подземных теней, которые отнимут у него не только жизнь, но и душу. Помимо воли из его горла вырвался крик ужаса. Однако тренированное тело, повинуясь глубоко заложенному инстинкту выживания, реагировало по-другому. Щуплый замориц сгруппировался и попытался замедлить падение, удержаться на краю или по крайней мере не быть засыпанным с головой. И когда огромный пласт земли повлек его за собой, ему каким-то чудом удалось оказаться на поверхности. Придя в себя, Гилзах обнаружил, что лежит на дне глубокой ямы. Он сгреб землю с ног и поднялся. Удача не оставила его. Тело побаливало от многочисленных ушибов, на руках было несколько ссадин, но кости остались целыми. Возблагодарив покровителя своего рода за спасение, Гилзах начал осматриваться.

Стены ямы были почти отвесными. Наверху виднелось небо, и солнце, судя по всему, приближалось к зениту. Оценив ситуацию, Гилзах понял, что шахта, в которую он попал, давно уже была засыпана многочисленными оползнями, и глубина ее уменьшилась. Теперь от поверхности земли до дна было не более пятнадцати локтей, благодаря чему он и остался в живых. Выбраться наверх не составило для него труда. Используя два оставшихся у него стилета в качестве клиньев, он быстро оказался на поверхности, стащил с себя

превратившуюся в лохмотья одежду и отправился в город. Пока что киммериец оставался в живых. Но до вечера еще было время.

Глава седьмая

Уже наступали сумерки, когда Конан подходил к постоянному двору купца Мариасса, где его должен был ждать Ченгар Бхутт. Двор располагался на одной из центральных улиц и был окружен обширным садом. По ночам в сад выпускали свирепых химелийских волкодавов, охранявших двор лучше любой стражи, а внутри в самом доме постоянно дежурили вооруженные сторожа, поэтому грабители, как правило, обходили постоянный двор стороной, а проезжие купцы, наоборот, останавливались в нем с большой охотой.

Богатство жильцов притягивало к дому нищих. Вдоль ведущей к дому аллеи сидели калеки, выставлявшие напоказ свои страшные язвы, многие из которых были искусно нанесены умельцами из Лабиринта, парочка юродивых, несколько опрятных старушек, с лицами, покрытыми, согласно обычаю, плотными покрывалами, ожидали скучного подаяния.

Неторопливым шагом прогуливающегося охранника Конан миновал большую часть аллеи, как вдруг что-то толкнуло его изнутри, предупреждая об опасности. Варвар почувствовал, как прошла вдоль позвоночника колючая холодная волна, и мгновенно превратился в ожидавшего нападения волка. Сторонний наблюдатель не заметил бы никаких изменений ни в его взгляде, ни в походке, но глаза Конана буквально пронизывали каждую встречную фигуру, ноздри расширились, втягивая воздух. Киммериец отличался от так называемых цивилизованных людей тем, что его чувства не были притуплены долгой жизнью в городе, среди каменных громад домов, заменивших им природу.

Запах и предупредил Конана об опасности; точнее, несоответствие между видом человека и его запахом. Сидевшая у края аллеи старуха подалась к нему, явно в надежде выпросить мелкую монетку на хлеб, но запах, исходивший от нее, был запахом мужчины. Быстрее, чем сознание его осмыслило происходящее, Конан отшатнулся от старухи, и направленное ему в сердце острие кинжала лишь слегка оцарапало кожу, разрезав тунику и перевязь меча.

Конан выхватил кинжал, но не мог заставить себя нанести ответный удар. Он был воином и не воевал с женщинами. Секундное промедление могло стоить ему жизни. Второй удар, не менее опасный, чем первый, скользнул по ребрам, но Конан успел сорвать покров с лица женщины. Лицо под покрывалом не было лицом женщины — на Конана с ненавистью смотрели темные глаза на смуглом, окаймленном короткой бородкой лице.

На аллее развернулся поединок двух достойных соперников. Гилзах недаром славился своим умением владеть стилетом. Узкое лезвие в его руке сверкало в последних лучах заходящего солнца, порхало, словно стальной мотылек. Невозможно было предугадать, куда будет направлен следующий молниеносный выпад. Но киммериец не уступал ему в быстроте и при этом был гораздо сильнее. Конан вел бой не в такой эффектной манере, но успевал парировать удары Гилзаха. Гилзах напоминал атакующую змею; Конан же был похож на тигра, стремительные удары которого кажутся со стороны ленивыми и медленными. Из рук, которыми противникам приходилось парировать удары, сочилась кровь; глаза их горели холодным бешенством.

— Вчера ты заслонился чужим телом, — шептал Гилзах, — и продлил себе жизнь на один день. Сейчас ты окажешься в стране сна, и голодные демоны будут вечно гладить твои

кости.

— Второй раз тебе не удастся ускользнуть с серых Равнин,— коротко ответил Конан.

Еще несколько мгновений продолжался бешеный обмен выпадами и уклонами. Конан неудачно парировал очередной удар и открыл левую сторону груди. Гилзах немедленно воспользовался этим, и его стилет устремился к сердцу киммерийца. Но в последний момент Конан успел повернуть корпус. Острое стилета скользнуло по его телу, а кинжал Конана легонько чиркнул по горлу Гилзыха.

Замориец еще несколько мгновений стоял, покачиваясь, а затем упал ничком. К месту схватки уже бежали люди. Конан подобрал свой меч и помчался в густой сад. Когда стихли вдали крики взбудораженных схваткой людей, склонившихся над телом Гилзыха, Конан перешел на шаг и направился к дому. В дверях он столкнулся с охранниками, выбежавшими на шум.

— Что случилось? — проревел один из них, выделявшийся свирепо встопорщенной рыжей бородой.

— Напали на постояльца, — спокойно ответил Конан. — Негодяй уже сбежал, наверное, где-то в саду.

Стражники с топотом скатились по ступенькам. Было слышно, как рыжебородый отдает приказ прочесать сад.

Глава восьмая

Конан поднялся на второй этаж дома и отыскал указанную вендицем комнату. Пинком открыв дверь, вошел, вытягивая из ножен меч. Тучный вендиц сидел у маленького столика посреди комнаты, изучая свиток папируса. Он поднял голову, и его глаза встретились с глазами Конана. Казалось, что Ченгар Бхутт увидел ожившего мертвеца, явившегося, чтобы забрать его с собой на Серые Равнины. Лицо вендица посерело, глаза расширились. Казалось, еще немного, и они вылезут из орбит. Это рассеяло последние сомнения Конана.

— Ты ожидал того недомерка, который должен был покончить со мной, — неторопливо произнес Конан, — но он уже мертв. А ты сейчас отправишься следом за ним.

Ужас, промелькнувший в глазах Ченгар Бхутта, подтвердил подозрения киммерийца. Конан подошел к толстяку и приставил острие меча к его горлу.

Ченгар Бхутт делал судорожные движения, пытался что-то сказать, но язык не повиновался ему. Конан вытащил кошель с сапфирами и бросил его на колени толстяка. Руки вендица непроизвольно схватили мешочек.

— Ты так хотел получить их, — насмешливо сказал Конан, по-прежнему держа меч у горла Ченгар Бхутта. — Теперь ты сможешь забрать их с собой туда, от куда нет возврата. Может быть, они согреют тебя в чертогах Хозяйки Судеб.

Он сделал неуловимое движение мечом, и из крохотного пореза на шее вендица заструилась кровь.

— Ешь! — приказал Конан, — Развяжи кошель, возьми сапфир и съешь его.

Вендиц теребил завязки, с ужасом глядя на Конана. Наконец он вытащил сапфир и медленно поднес его ко рту. Он посмотрел на Конана взглядом затравленного зверя, но не нашел сочувствия. Неожиданно Конан ощутил движение у себя за спиной, и одновременно что-то изменилось во взгляде Ченгар Бхутта — ужас сменился надеждой, а затем вновь — ужасом.

Киммериец успел обернуться навстречу опасности, но уйти от удара не смог. Он едва успел заметить бесшумно подкравшегося к нему человека, похожего на погибшего Вонху, и в тот же миг сильный удар обрушился на его голову. Погружаясь в черноту беспамятства, Конан успел наобум взмахнуть мечом, понял, что промахнулся, и тяжело рухнул на сидевшего перед ним толстяка.

* * *

Сознание вернулось к Конану резко — словно вспышка света пробилась сквозь сомкнутые веки. Он ощущал в пальцах рукоять меча, который так и не выпустил во время падения, приготовился к схватке и открыл глаза.

Ченгар Бхутт сидел в кресле посреди комнаты. Руки его были крепко привязаны к подлокотникам, лицо было пепельно-серым, в глазах застыло выражение смертельного ужаса. Рядом с ним стояли два человека, внешность которых напоминала погибшего прошлой ночью Вонху.

Один из них с угрожающим видом обернулся к киммерийцу. В его руках появились два широких кинжала. Конан приготовился отражать нападение, когда из угла комнаты раздался голос, произнесший несколько слов на неизвестном Конану языке, и человек, слегка поклонившись, вложил оружие в ножны.

— Вставай, располагайся поудобнее и будь спокоен. Здесь тебе ничто не угрожает, — произнес тот же голос позаморийски. Конан взглянул в дальний угол комнаты. На невысоком диване сидел еще один уттарец. Не только повелительный тон, но и вся манера держаться выдавали в нем предводителя.

— Ты, наверное, Конан-киммериец, — медленно проговорил предводитель, — а я — Кху Бор, сын правителя, или, как говорят в этих местах, короля, Уттары.

Конан осторожно, не выпуская из рук меча, присел на низкий табурет.

— Убийца, которого послал за тобой этот торговец чужими тайнами, оказался не так ловок, как он рассчитывал, — говорил принц. — Я ожидал этого. Если ты смог победить Вонху — лучшего бойца Уттары, то вряд ли тебя мог бы остановить еще кто-то. Ты, наверное, уже догадался, что история, которую тебе рассказал этот, — ленивым жестом Кху Бор указал на скорчившегося под его взглядом вендица, — далека от истины. Как все люди, которые знают жизнь по чужим словам, он был уверен, что молодой северный варвар поверит в любую ложь. Но доблесть состоит не только в мышцах, но и в уме. Ты сразу понял, что он лжет? — Конец фразы вопросительно повис в воздухе.

— Мать Тауруса умерла несколько лет назад, а любовницей его была шлюха из Лабиринта, которая на следующий день после его гибели забыла о нем. Сейчас она живет в веселом доме, посвященном Деркэто, — коротко ответил Конан.

— Полагаю, нужно рассказать тебе, что же происходит на самом деле. Ты уже знаешь, что в этих сапфирах содержится судьба Уттары. В старинных преданиях говорится, что один из них был подарен моему далекому предку спустившимся к людям Рудрой. Бог предрек, что этот король и его потомки будут править Уттарой до тех пор, пока сохранят сапфир. Впоследствии король приказал добыть семь других камней и ограниить их так, чтобы

невозможно было найти различия между ними; на случай, если какой-нибудь дерзкий вор задумает похитить божественный сапфир. Так что подлинную ценность представляет всего лишь один из камней, но никто не знает, какой именно, — с невеселой усмешкой говорил Кху Бор.

— Известно тебе и о том, как камни попали в сокровищницу короля Меру, — продолжал принц. — Оттуда их случайно, не подозревая о значении сапфиров, украл Таурус, которого недаром называли королем воров, — больше никому не под силу было бы совершить такой подвиг.

После того как мой отец был вынужден отдать сапфиры королю Меру, он обратился к знаменитому вендийскому магу и мудрецу Иарху с просьбой помочь ему вернуть камни. С помощью своей магии Иарх узнал, что камни похищены из сокровищницы немедийцем Таурусом. Проследить дальнейший путь сапфиров он не смог.

Шло время, и отец почти смирился с тем, что сапфиры утрачены. Но однажды от Иарха пришла весть, что он нашел след сапфиров. Я немедленно отправился к нему, но застал его уже мертвым — даже великие мудрецы подвержены старости. Его сын — вот этот толстяк — не унаследовал мудрости отца, но компенсировал ее своей хитростью и жадностью. Перед смертью отца он узнал у него, где находятся сапфиры, но ничего мне не сказал об этом, а предложил найти их и продать. Мне ничего не оставалось, как согласиться. Но, подозревая обман, я приказал следить за ним. Вскоре я узнал, что он вступил в переписку с королем Меру, которому также предложил вернуть сапфиры, похищенные из его сокровищницы. Я понял, что верить ему нельзя. Даже если бы я предложил большую цену, то не мог бы быть уверен, что он вернет сапфиры. Поэтому, когда он собрался в путь, я с несколькими спутниками последовал за ним.

У своего отца он научился нескольким простейшим магическим приемам, но считал себя равным истинным Посвященным. С помощью магии он понял, что законные владельцы сапфиров следят за ним, — продолжал Кху Бор, — и выбрал единственного человека, который способен был опередить нас, а при необходимости — и отобрать камни. Надо признать, что он не ошибся в выборе. В конце концов камни вернулись к своему хозяину, — продолжал принц. — Прими же в знак моей благодарности этот дар. И я, и все мои родственники многим обязаны тебе. Показав этот браслет любому из нас, ты получишь все, что потребуешь. И я надеюсь, что мне когда-нибудь удастся более достойно отблагодарить тебя.

Он снял с запястья массивный золотой браслет и протянул его Конану. По форме браслет напоминал длинный лист лотоса, на котором были изображены сцены охоты. Мелкие человеческие фигурки были исполнены с величайшим мастерством. Разглядеть детали можно было, только внимательно взглянувшись. Издали же они сливались, образуя причудливые узоры. Конан поклонился и пробормотал несколько слов благодарности. После небольшой паузы принц продолжал:

— Мои воины отправились на кладбище одновременно с тобой. С одним из них ты столкнулся в шахте. Вонху знал, что в эту ночь оживают ларвы и как можно от них спастись. Это простейшая магия, известная почти каждому уттарцу. Но ты опередил его, и ему не удалось отобрать сапфиры. Его помощники побоялись вступить в схватку с тобой, но унесли тело своего товарища, когда ты погнался за подосланым убийцей, — Принц замолчал. Взгляд его стал отрешенным.

— Вонху был мне ближе брата, — наконец продолжал он. — И одного этого хватило бы, чтобы я покарал человека, виновного в его смерти. Но есть и еще одна причина. Законы

магии требуют, чтобы один из тех, через чьи руки прошли похищенные камни, был убит и кровь его окропила сапфиры. Иначе проклятие падет на их владельца. Эта кровь — цена камней, возмездие за кражу. Вот почему Ченгар Бхутт, этот мелкий вендиjsкий чернокнижник, нанял убийцу и послал его по твоему следу.

Конан повернул голову и пристальным взглядом посмотрел на тучного вендиjsца. Глаза Ченгар Бхутта, казалось, были готовы выскоить из орбит, лицо перекосилось, рот открывался в беззвучном крике. Мешочек с сапфирами по-прежнему лежал у него на коленях. За спиной раздался тихий смех принца.

Киммериец отвернулся. Выражение тупого животного ужаса, застывшее в глазах вероломного толстяка, вызывало у него омерзение, такое же, как возникает при виде ядовитого паука. Один из уттарцев подошел к окаменевшему Ченгар Бхутту, высыпал из кошеля сапфиры ему на колени, затем наклонился и четким движением молниеносно перерезал горло вендиjsцу. Хлынувшая кровь залила сапфиры. Один из них вспыхнул ярким синим пламенем, когда на него попала кровь. Второй уттарец сложил сапфиры в кошель и с поклоном протянул его принцу.

— Пойдемте,— произнес Кху Бор,— здесь нам больше нечего делать.

Спускаясь по лестнице рядом с принцем (двою слуг следовали в почтительном отдалении), Конан ловил на себе изумленные взгляды постояльцев. Они откровенно завидовали молодому варвару — приезжий вельможа решил обзавестись телохранителем, который будет жить, обласканный богатыми дарами. Словно читая их мысли, принц предложил Конану поступить к нему на службу. Конан довольно успешно сделал вид, что не рассыпал предложений.

— Ты говоришь, что обладаешь большими познаниями в магии,— сказал Конан, оставив без внимания слова принца.— Там, в шахте, я столкнулся не только с ожившими ларвами, но и с другими загадочными вещами.

Он коротко рассказал о пещерном лабиринте и о схватке с неизвестным чудовищем, которая чуть было не завершилась его смертью. Лицо принца утратило невозмутимость, в глазах засветилось неподдельное изумление, какое возникает у чародея, когда он узнает о существовании неизвестного ему источника магической силы.

— Вещи, о которых ты рассказываешь, превосходят мои знания, — наконец произнес он. — Я могу только догадываться об их значении. Это не магия нынешних adeptов Черного Круга. Вообще никто из магов в последние несколько тысячелетий не смог бы сотворить ничего подобного. Если мои предположения верны, это творение расы, которая господствовала над землей до появления человека. Это были людизмеи, у них было человеческое тело и змеиная голова, и душа их была так же зловеща, как и внешность. Они поклонялись темным богам и владели колоссальной магической мощью. В незапамятные времена, когда шла война между ними и людьми, они создали множество подземных убежищ в самых заброшенных местах мира. Создали они и множество чудовищных стражей этих убежищ. Говорят, что этих стражей могло поразить только змеиное оружие — такое, как найденный тобой клинок...

К этому времени они вышли из сада и дошли до паланкина принца. Носилки держали шестеро высоких мощных кушитов.

Конан, которого, как всегда, интересовала только практическая сторона дела, перебив принца, спросил:

— Значит, этих тварей не осталось на земле, и можно не опасаться встретить ее как-

нибудь ночью в пустынном месте или наткнуться на такого сторожа, забравшись в дом какого-нибудь богатого купца?

У принца, вдохновенно повествовавшего о мрачных колдовских тайнах минувших времен, от неожиданного резкого вопроса отвисла челюсть. Привыкший к деликатному обращению с такими тонкими материями, он просто не мог себе представить, что киммериец магическими существами интересуется лишь для того, чтобы узнать, как легче их убивать.

Не найдя, что ответить, Кху Бор лишь кивнул. Подошедшие слуги помогли ему сесть в носилки. Конан отвернулся и двинулся в сторону Лабиринта. Вслед ему донесся голос принца:

— Если ты решишь служить будущему королю Уттары, то можешь найти меня...

Окончания фразы киммериец не рассыпал. Конан медленно шел сквозь людской поток, заполнивший вечером улицы Аренджуна. «Променять свободную жизнь на службу, — с отвращением подумал он, — это то же самое, что добровольно надеть на себя ошейник. Все эти принцы, маги, которые думают лишь о том, как усидеть на троне, возвыситься, приобрести чуть больше влияния, чтобы завоевать еще больше власти, пусть катятся Нергалу в пасть. Если я и стану когда-нибудь жить в королевском дворце, то буду королем, а не слугой. И корону свою добуду себе сам. А пока что — что может быть лучше разгульной жизни вора в городе воров? Лучше честно воровать, чем трястись, сидя на троне, в ожидании нападения заговорщиков».

Вечером он продал в храме бога Ану полученный от принца браслет, и несколько дней в притонах Лабиринта проходимцы всех мастей пировали, славя щедрость Конана из Киммерии.